

КАУ «АЛТАЙСКИЙ КРАЕВОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
АДМИНИСТРАЦИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
АОО «МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОЮЗ НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ»

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы Международной научно-практической
конференции, посвященной 250-летию
Манифеста российской императрицы Екатерины II
и начала массового переселения немцев в Россию
75-летию Алтайского края
70-летию со времени мобилизации
советских немцев в трудармию

г. Барнаул, 10–11 ноября 2012 г.

г. Барнаул, 2012

Редакционная коллегия:

Щеглова Т. К., заведующая кафедрой отечественной истории АлтГПА, (научный редактор)

Путилина Н. А., редактор КАУ Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом

Оргкомитет конференции:

Щеглова Т. К., д.и.н., профессор, заведующая кафедрой отечественной истории АлтГПА (председатель оргкомитета); **Мильхин Е. В.**, и.о. директора КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» (заместитель председателя оргкомитета); **Экарт А. А.**, заместитель начальника департамента Администрации Алтайского края по связям с институтами гражданского общества; **Маргенс О. К.**, заместитель председателя АОО «Международный союз немецкой культуры»; **Элерт А. Х.**, д.и.н., заместитель директора по науке Института истории СО РАН, главный научный сотрудник сектора археографии и источниковедения; **Матис В. И.**, д.п.н., к.ф.н., профессор, проректор по научной работе АлтГАКИ; **Скубневский В. А.**, д.и.н., профессор АГУ; **Смирнова Т. Б.**, д.и.н., заместитель председателя Международной Ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, доцент кафедры этнографии и музееведения ОмГУ им. Ф. М. Достоевского; **Дударева О. Н.**, заместитель директора КГКУ «Государственный архив Алтайского края»; **Фаст А. А.**, писатель-краевед; **Линд В. Н.**, начальник отдела культуры, образования и социальной работы КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом»; **Викторова Т. В.**, ведущий методист КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом»; **Путилина Н. А.**, редактор КАУ «Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом» (секретарь оргкомитета).

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ. ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию Маньфеста российской императрицы Екатерины II и начала массового переселения немцев в Россию; 70-летию со времени мобилизации советских немцев в трудовую армию; 75-летию Алтайского края. Барнаул, 10–11 ноября 2012 г. / Т. К. Щеглова (науч. ред.), Н. А. Путилина. – Барнаул, 504 с.
ISBN 978-5-904061-52-4

В сборнике публикуются материалы международной научно-практической конференции. Публикации отражают результаты современных отечественных и зарубежных исследований о вкладе немцев в развитие российской государственности; в экономику, культуру, общественное развитие Алтайского края и других регионов Российской Федерации и постсоветского пространства в XVI–XX веках, а также самоорганизацию немцев в России и в мире на современном этапе.

Материалы конференции предназначены для историков, этнографов, лингвистов, искусствоведов, культурологов и других специалистов, занимающихся изучением истории и культуры народов Евразии; для преподавателей, учителей, аспирантов, студентов, архивных и музейных работников, а также всех интересующихся историко-культурным наследием российских немцев.

ББК 63.3 (2Рос-Рус)6

Р 76

ISBN 978-5-904061-52-4

© Алтайский краевой Российско-Немецкий Дом
© Щеглова Т.К., составление, редактирование

Раздел 2. Немецкое население в контексте советской государственно-партийной политики депортации и репрессий 1940-х годов и его реабилитация

Беллер А. В., Вольф Э. Л. О тезаурусе, отражающем процесс реабилитации немцев России.....	113
Алекса Д. В. Обустройство депортированных немцев на новом месте: решение жилищной проблемы (на примере Алтайского края).....	121
Жанбосинова А. С. Немцы в молохе советской эпохи (на примере Восточно-Казахстанской области).....	125
Мазырина А. А. Устная история немцев: депортация и высылка в Алтайский край.....	132
Фиц П. Э. О «советских пятнах» на облике середняка.....	137
Черкашина Л. А. Тема трудармии в поэзии российских немцев Алтая второй половины XX в.	148
Щеглова Т. К. «Свой» и «чужой»: взаимоотношения местного населения и российских немцев на Алтае в контексте государственной политики формирования и использования образа врага в период депортаций.....	155

Раздел 3. Вклад российских немцев в развитие экономики, культуры, науки, общественной жизни России, Сибири и Алтайского края в XVIII–XXI столетиях

Бологов В. И. Немецкий вклад в развитие Российского государства.....	165
Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Участие немецких военных специалистов в российском освоении Сибири в XVI–XVII вв.	172
Борисенко А. Ю. Археологические памятники и традиционные обычаи тюркоязычного и самодийского населения Западной Сибири (по материалам экспедиции Д. Г. Мессершмидта, 1721 г.).....	178
Бочарова Т. А. Развитие кредитной кооперации в немецких посёлках Алтая в начале XX в.	183
Вердиева Хаджар Юсиф гызы. Архив политических документов управления делами президента Азербайджанской республики свидетельствует о неизвестных страницах немцев в истории Азербайджана.....	190
Ищенко О. В. К биографии М. А. Рейснера.....	201
Контев А. В. Вклад немецких специалистов в освоение Алтая российским государством в XVIII веке.....	208
Контева О. Е. Условия службы немецких специалистов на Кольвано-Воскресенских предприятиях во второй половине XVIII в.	217

5. Die Glocken in der Erde. Подземные колокола. Сборник поэзии российских немцев [Текст] / Сост. Г. Г. Вормсбехер. – М.: ЛА «Варяг», 1997. – 312 с.

6. Morgenstern. Literarisch-künstlerischer und gesellschaftlich-politischer Almanach [Текст]. – Ułjanowsk, 1996. – 448 s.

7. Auf Geheiß des Gewissens. Prosa, Poesie, Übersetzungen [Текст]. – Barnaul, 1989. – 384 s.

8. Литературная карта Алтайского края [электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Shpar/192.htm>

9. Lichter in den Fenstern. Sowjetdeutscher Almanach [Текст]. – М.: Progress, 1979. – 432 s.

10. Spaar W. Ährenlese [Текст]. Barnaul: Altaier Buchverlag. – 1981. – 80 s.

11. Herdt W. Heimat, du liegst mir im Herzen [Текст]. Barnaul: Altaier Buchverlag, 1983. – 120 s.

12. Библиотека «Писатели Алтая» [Текст] / Сост. В. Б. Свинцов, М. И. Юдалевич. – Т. 1. – Барнаул, 1998. – 464 с.

13. Библиотека «Писатели Алтая» [Текст] / Сост. В. Б. Свинцов, М. И. Юдалевич. – Т. 2. – Барнаул, 2000. – 416 с.

**«СВОЙ» И «ЧУЖОЙ»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И РОССИЙСКИХ
НЕМЦЕВ НА АЛТАЕ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
ФОРМИРОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ОБРАЗА ВРАГА В ПЕРИОД ДЕПОРТАЦИЙ**
Щеглова Татьяна Кирилловна
Алтайская государственная
педагогическая академия

Исторические события XX в. обусловили активное взаимодействие народов. Уровень межэтнического напряжения и согласия в XX веке, формирование этнических стереотипов и мифологем у сельского населения Алтайского края определялись рядом факторов. Самостоятельную роль в развитии межэтнических представлений и этнокультурных образов в алтайской деревне в советский период сыграли принудительные депортации 1940-х гг., которые представляли собой опыт насильственного смешения народов, усугубленный агрессивной политикой госу-

дарства. Судьба рядовых людей в этот период является частью истории военного времени, которое долгое время рассматривалось только как героическое (военная история), избирательно и выборочно обращалось внимание на те, или иные ее страницы. Частью этой истории являются депортации людей разной этнической принадлежности, объявленных потенциальными «врагами» и «предателями» и принудительно выселенных с материчной территории. Военная история алтайской деревни не является полной без «голосов» самого бесправного в годы войны сообщества – депортированного населения, которое влилось в жизнь деревенского общества и стало частью ее истории в экстремальных условиях военного времени и репрессивной политики государства.

В данной публикации автором используется архив устных исторических источников, создаваемый более двадцати лет, с 1991 года с помощью интервьюирования участников депортации – сельских немцев Алтайского края в ходе реализации одной из программ «Депортации народов и репрессии на Алтае». Начало положила работа летом 1991 г., с помощью опросов свидетелей и очевидцев по выявлению территории массовых расстрелов репрессированных и раскулаченных в районе Барнаульской тюрьмы (бывший женский монастырь) для установления границ образуемого городского кладбища.

Обращение к исторической памяти участников и очевидцев принудительных переселений позволяет, прежде всего, выявить особенности взаимоотношений депортированных с местным населением. Особую ценность устным историческим источникам придает важное для понимания исторического прошлого восприятие происходящего в ракурсе антитезы «свои» – «чужие» и диалог при антитезе «мы» и «они». Алтайская деревня приняла большое число репрессированных и депортированных народов – немцев, украинцев, болгар, гагаузов, молдаван, греков, калмыков, армян, литовцев, евреев, поляков, татар, чеченцев, ингушей, армян и других. Этническая константа мигрантов проявлялась и на новом месте, что способствовало в первоначальный период восприятию этнических переселенцев в ракурсе «свои» и «чужие». Способствовала отчуждению народов государственная политика, определившая целые народы в категорию «ненадежных». Приказ о выселении немцев из Поволжья, опубликованный в газете «Правда» и указанные в нем причины, до сих пор, в сознании немцев вызывают недоумения: «Вот война началась в 41 году.

За что нас? Сами мы не знаем. Ужели такие враги были? Рабочий народ был... Но вот... Сталин приказ выпустил. Боялись, что мы перейдем к Германии. Но мы бы не перешли... Ну что я там потеряла? Я там ниче не потеряла. Родители мои, и бабушка, и дедушка – все они тут родились. А я сейчас, например, не хочу в Германию. Я тут родилась, ну хоть не тут [респондент уточняет, что родилась в России, но не Алтае, а в Поволжье, Т. Щ.], но все равно родина – Россия» [1].

Усугубляли адаптацию переселенцев на новом месте взаимоотношения с местным населением, находящимся под воздействием агитационной пропаганды. Но, одновременно, и местное, и депортированное население объединяли голодные и холодные военные годы, в которых всем: и деревенским хозяевам, и насильно переселенным этническим депортантам приходилось выживать сообща. Формирование диалога народов, разделенных в военный период идеологически, является, с одной стороны, малоизученной и перспективной темой устноисторических исследований алтайской деревни, с другой стороны, требует от исследователей особой деликатности и бережного обращения с ней в силу особой болезненности вопросов, связанных с межэтническим взаимодействием, как и любой проблемы этнической истории.

Именно в этом направлении в ходе интервьюирования очевидцев, оказалось трудно пробиться к живой памяти через штампы и клише, сформировавшиеся вокруг этой темы. Особенно трудно, оказалось, преодолеть сформировавшийся отрыв исследуемой темы депортаций, как от военной проблематики, так и от социальной истории алтайской деревни. Исследователи рассматривают историю насильственных переселений изолированно от общественно-политической и культурно-производственной жизни деревни, как правило, фокусируя свое внимание на процессах эвакуации и депортации. Так, словно эти события проходили в вакууме или в бесконтактной зоне, а не в условиях военного времени и не в конкретном человеческом сообществе.

Для адекватного отражения прошлого о депортации немцев недостает источников и материалов об их жизни в деревенском сообществе Алтая, о реакции местного населения, и отношении немцев к деревенскому сообществу. То есть тех внутренних процессов, которые происходили в сельском, преимущественно русском сообществе при подселении не только людей иной этнической принадлежности, но и с репутацией потенциальных «врагов

народа» и не только немцев. Вот как отражается в рассказах жителей алтайской деревни изменение этнического состава деревни (на примере села Красный Партизан Чарышского района) в военное время: «а в войну немцев к нам привезли, на телегах, немного, семей пять с ребяташками. В соседнее село побольше... Жили они в домах с местными. А еще калмыки были. Тех побольше было... Даже молдаване какие-то приезжали, тоже в войну. Но их не помню. Да гагаузы какие-то. А еще поляки были. Но мало. Да литовцы... Не помню их сильно...» [2].

Корпус документированных интервью по этой проблеме содержит оценки происходящих событий двумя группами – этнических переселенцев, размещаемых на Алтае и сельских жителей алтайской деревни; восприятия одних другими и наоборот. Межэтнические контакты в предвоенное, военное и послевоенное время осложнялись пропагандистско-идеологическими кампаниями навязывания нелицеприятного образа народа – депортанта, политическими и идеологическими интерпретациями их намерений. Все эти факторы не могли не влиять на восприятие народами друг друга и на отношение друг к другу. Они определяли интонации и характер межкультурных коммуникаций этносов. Вот как это проявляется в одном из рассказов: «Всяко принимали [местные жители], люди же не понимали, кто понял, что мы переселенцы, кто думал, что мы с Германии, привезенные, даже спрашивали, кто у Гитлера рядом жил? А мы даже не видели Германию. Мы же все рожденные в Саратовской области, наши предки завезены 200 лет тому назад, еще Катерина завезла этих немцев. А вот кто презирал, а кто ничего относились» [3]. Типичным является следующее высказывание: «Ночью приходили, будили нас, вот так по головам пересчитывали, все ли дома: мы же по линии НКВД были, нас контролировали, мы же немцы были, мы были, как их называют? – Враги народа! – Так нас тогда считали. Ну вот я, например, ни разу не слышала, чтоб нашу семью хоть раз «фашистами» называли, или там «гитлеровцами», никогда. К нам относились очень хорошо, соседи у нас очень хорошие были... помогали» [4].

Вместе с тем, межэтническая ситуация на уровне алтайского региона имела свои внутренние регуляторы. Среди них не последнюю роль играли традиции межэтнических взаимодействий русских и немцев в прошлом. Например, в период добровольных массовых переселений немцев в конце XIX – начале XX вв. В ходе

этого взаимодействия сформировались конструктивные этнические стереотипы. Они влияли на перспективы развития поликультурного общества военной и послевоенной алтайской деревни.

Однако под воздействием пропаганды и под влиянием эмоционального накала (война с фашистской Германией), немцев в алтайской деревне встречали часто настороженно и часто враждебно. Идеологическая антифашистская компания накладывала негативный отпечаток на восприятие немцев. А приходящие с фронта похоронки ожесточали русское население. М. Е. Йорк вспоминает: «Обзывали нас фашисты... И они (местные) знаете, что нам сказали? Господи, и плач, и смех! В газете тогда про нас пишут и рисуют карикатуры... И когда мы приехали в Савиново, они говорят: «Фу, такие же люди, как мы. А мы думали, как нарисовано в газете, с хвостами». То ли отстающий народ тут был. Я не знаю. У нас уже культура лучше была, намного лучше была, чем тут народ был. И победнее жили, чем мы там». А. В. Леонидова (Кинотоп) вспоминает: «Видите, нас обзывали всяко. Поезд стоит, а народу на вокзале много и кричат: «Ой, немцев везут, фашистов везут, у их один глаз на лбу!»... Они нас представляли вообще инопланетянами какими-то» [5].

В подобных оценках восприятия прибывших немцев местным населением заметна антифашистская и агитпроповская, в т.ч. плакатная пропаганда. К. П. Геер вспоминает, что «они гадали на нас рогами. Сначала фашистами обзывали». Потеря близкого человека на фронте становилась главным лейтмотивом негативного отношения местного населения. А. И. Горбатова рассказывала: «Вот трактористы ребята (немцы) были. Такие работяги. И мы с имя дружили... любовь крутили. Я прихожу домой. Мама: «Ты, однако, с Эрвином ходишь?... Отца убили немцы, ты мне еще с ним шураться будешь!» Взяла веревку, отходила [побила]... А я его всю жизнь жалею... Хороший парень, голубоглазый такой, симпатичный...» [6]. В деревенском мире осуждали тех русских, которые вступали в браки с немцами. Даже в послевоенное время. Вот как об этом говорил П. И. Коновалов: «Ну отношение к бракам считалось презренным. Некоторые презирали. Мать моя презирала. Потому что муж у нее на немецкой территории, ну не на немецкой, а немцы вроде убили. А я немку брал. Они ненавидели меня и ее. Приходилось мириться с матерью. Ничего, потом согласилась. Если, я ее понимал, значит и мать должна меня понимать. Она даже к детям относилась хуже, чем к другим детям. Вот сестры дети, она их лучше уважала, чем моих. Это было ...» [7].

Такое отношение особенно остро ощущали дети, которые учились жить «без вины виноватые». Этому способствовала та

атмосфера, которая складывалась в деревнях вокруг немецкого вопроса. Фактором взросления немецких детей стали попытки самих взрослых «спрятать свою немецкость», воспитывая в детях комплекс виноватости. Это ярко проявляется в следующем рассказе: «Я свое имя страшно не любила: я стеснялась. Стеснялась, что я немка. Знаете, обзывали. Ну, я Альмой не писалась в школе. Я – Алла, меня Алей звали; старшую сестру – она Зельма – ее Зоей звали; Нина Адалина – ее Ниной и звали... Мамку так же звали; теть Мотя ...как по-русски похоже Матрена, но она все равно не Мотя, а Матильда; Зара она Зара – не сменяется; теть Миля (она Эмилия); теть Галя – она тоже не меняется. А вот наши вот менялись. Щас вот у моих сродных сестер и братьев имена... они все: Фрида, Лида, Федя, Вера, Зоя, Иван. Вот сродный брат был только один Эрнст. Отец мой – Вильгельм Вильгельмович. Ну его звали Васей-то уже, ну жена его звала Васей. Это я ж Васильевна, Вильгельмовна. Алла Васильевна, ...а по документам – Альма Вильгельмовна».

Крестьяне алтайской деревни освоили агитпроповские аргументы, и в своих интервью до сих пор воспроизводят язык газетных публикаций: «Это было в сорок первом году... приехали... немцы Поволжья... *Видишь, там был заговор у них, говорят какой-то, на Волге. Вот оттуда и репрессировали их...*» [8]. В Чарышском горном районе до 1941 г. немцев, по словам информантов, не видели и с интересом встречали новых поселенцев, о которых уже начитались в газетах: «до войны немцев тех не знали, не было их у нас. А тут приехали... Ну нам интересно было – какие они, то ли правда, как в газетах писали, с рогами на голове. Прибежали смотреть, а они обычные люди...»

Но и в отношении немцев к русским, по воспоминаниям жителей алтайской деревни, можно найти много эмоционально-враждебного, как «своих» немцев к «чужим» – деревенским. Своеобразная реакция защиты просматривается в воспоминаниях о том, как насильно переселенные немцы пугали местных колхозников «вот придут наши [подразумеваются немцы Германии]» и кончая противопоставлением немцев, как более культурной нации – русским крестьянам, как «отсталого народа». М. К. Останина рассказывала: «немцев пригнали. Они злы были сразу. Вот эта немка Роза. Она говорит, силы были бы, я б весь русский народ поперерезала бы... И все равно они уехали...». Отголоски такой неприязни как следствие взаимных обид долгое время встречались на бытовом уровне. Многие местные жители понимали причины такой реакции. Жительница с. Ново-Обинцево Шелаболихинского района так ска-

зала: «У них видимо, обида жила, что они-то ни в чем не виноваты, а на них такое вот было...» [9].

Об этом же говорят сами немцы, которые ощущали двусмысленность и сложность ситуации, в которую попали и немцы, и русские. И которые пытались вести себя деликатно: «И соседи у нас русские, и дружила с русскими, я никогда ни с кем не ругалась. Я даже на мамку обижалась: когда приду с работы, – там она по-немецки, а если со мной подруга, так она со мной по-немецки... Она же [подруга] стоит, она же может обидеться, скажет: «Во, че-то говорят про меня». А я говорю: «Мам!». Много не говорила, только: «Мам!». Она сразу глянула, – все, давай по-русски говорить. А так... не знаю, я не могу обидеться: таких у меня враждебностей не было с народом. Все равно, все же мы люди, да? Подумаешь там, какой национальности. Господь создал так нас. Мы должны все ...быть вместе».

В этом проявлялся трагизм общественного разлома в военную пору, о котором до сих пор боятся говорить исследователи. Даже в современных исследованиях о советской государственной национальной политике в военный период, историки ограничиваются сложившимися стереотипами об интернационализме при умолчании другой стороны политики, связанной со сложными межличностными контактами в период этнической депортации. Неказенная народная память о войне может проникнуть в академическую историю только через призму семейной истории, в виде документированных интервью о складывающихся взаимоотношениях в период насильственных переселений. Казенная же память лишена всякого человеческого содержания на бытовом уровне.

Интервьюирование показывает, что в ходе длительного совместного проживания характер взаимоотношений изменяется, отражая эволюцию настроений и социального поведения, что должно стать самостоятельной темой исследования. Как говорят информанты, «потом, когда мы там пожилы, мы это... и русские стали с нами дружить, и щас у нас... у меня все друзья русские». Факторами сплочения этнически разнородной, социально разобщенной, политически дифференцированной человеческой массы алтайской деревни являлись такие универсальные ценности, как трудолюбие, добросовестность, отношение к труду. Именно на их основе происходила консолидация сельского немецкого и русского населения. В приведенных интервью маркируются такие объединяющие социокультурные предпочтения, как «работающие», «работали хорошо», «хорошие», «плохого никому, ничего не делали», «честные», «добросовестные». Такую сложную трансформацию отражает следующий отрывок из интервью:

«Местные относились нормально, никакой вражды не было, чтобы вот я немец, а тот русский. Да сразу признали нас. Были некоторые, что, кто «фашист» там, «немец» обзовется, а потом нет. А мы уже обрусели тут, а что?» [10].

Адаптации немцев в деревне способствовал высокий процент образованности немецкого населения, особенно ценилось профессиональное образование – экономисты, учителя, музыканты. Их профессиональная востребованность учитывалась при распределении по населенным пунктам. Так или иначе, в процессе включения в производственную жизнь, немецкое население, несмотря на идеологические установки, государственную политику и неблагоприятную общественную атмосферу, вращалось в деревенское общество, становилось частью сельского социума Алтая. Как образно определилась А. В. Леонидова (Кинтоп): «Уже я стала больше русская... Я только знаю в душе, что я чистокровная немка. А веду я себя, как настоящий русский сибиряк...»

Список источников и литературы:

1. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2012. Панкрушихинский район, с. Зятьково. Меулер (Шнайдер) А. Б., 1929 г.р.
2. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2002. Зональный район, п. Мирный. Йорк М. Е., 1923 г.р.
3. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2005. Чарышский район, с. Красный Партизан. Ковалик И. Н., 1927 г.р.
4. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2012. Панкрушихинский район, село Велижанка. М. Ф. Беккер. 1938 г.р.
5. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2008. Поспелихинский район, с. Факел социализма. Вольф Агда Ивановна, 1943 г.р.
6. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2009. Поспелихинский район, с. Поспелиха. Леонидова (в девич. Кинтоп) Альма Вильгельмовна, 1937 г.р.
7. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2002 Зональный район, п. Восход. Горбатова А. М., 1930 г.р.
8. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2003. Поспелихинский район, с. Калмыцкие Мысы. Коновалов П. И., 1931 г. р., запись 2003 г.
9. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2003. Бийский район, село Сростки. Новоскольцев И. Г. 1925 г.р.
10. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2005. Шелаболихинский район, В Ново-Обинцево. В. А. Божанова, 1938 г.р.
11. Архив ЛИК АлтГПА. Материалы ИЭЭ 2005. Чарышский район, с. Красный партизан. Дутенгефер И. И., 1936 г.р.